

рейского алфавита. <...> Если к этому прибавить дыхательные упражнения, которыми сопровождается чтение имен по слогам, можно понять, как от этого чтения по слогам человек переходит к экстазу, а от экстаза — к приобретению магической мощи: ведь буквы, которые сочетает мистик, — те же самые звуки, через которые Бог сотворил мир. Этот аспект еще более разовьется в XV в. Идель говорит, что для Йоханана Алеманно, друга и вдохновителя Пико делла Мирандолы, «символический заряд языка превращался в почти математическую функцию. Так каббалистический символизм превращался в магический, колдовской язык или возвращался к оному». Для экстатической каббалы язык сам по себе вселенная, и структура языка соответствует структуре реального мира. Уже Филон Александрийский в своих трудах пытался сопоставить сокровенную суть Торы с Логосом, миром идей, и платоновские концепции проникли в книги Мидраш-Аггады, в которых Тора рассматривается как план, по которому Бог создавал мир. Тем самым вечная Тора отождествлялась с Мудростью и во многих своих местах — с миром форм, вселенной архетипов. В XIII в., решительно склоняясь к аверроизму, Абулафия поставит знак равенства между Торой и Активным Интеллектом, «формой всех форм, соединяющей разрозненные умы» («Сефер мафтеах ха-тохаот»). Таким образом, в отличие от западной философской традиции (от Аристотеля до стоиков и средневековых мыслителей), а также арабской и иудейской философии, в каббале язык не замещает чувственный мир, где означающее представляет означаемое, или референта. Если Бог создал мир, произнося слова языка или буквы алфавита, эти семиотические элементы являются не представлениями чего-то, существовавшего до них, но формами, в которые отливаются элементы, образующие мир. Важность подобного утверждения... очевидна: *здесь описывается язык, признанный совершенным потому, что не только в точности отражает структуру вселенной, но и производит ее*, а следовательно, совпадает с ней, как печать с оттиском (У. Эко. «Поиски совершенного языка в европейской культуре»).

Теперь все окончательно прояснилось. Каббалой пушкинский Германн начал — каббалой кончил: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..»

НОВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Александр Евсюков. Контур легенды: книга рассказов; предисл. Ф. Нагима. — М.: Центр Современной Литературы «Русский Гулливер», 2017. — 192 с.: ил.

Если писатели — художники слова, то молодой прозаик Александр Евсюков¹ — определенно портретист. Каждый рассказ из его сборника «Контур легенды» — плотно, на котором крупным планом изображен колоритный герой.

Герои в книге очень разные. Мы видим школьника Юлия и должника Самуила, менеджера-карьериста Евгения и разбитного десантника Костю, русского парня Ваню и американца Вашингтона Фаунтлероя...

¹ Александр Евсюков — прозаик, критик. В 2007 году окончил Литинститут. Произведения публиковались в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Бельские просторы», «Homo Legens», «Вайнах» и др. Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016). Лауреат конкурсов малой прозы им. Андрея Платонова (2011), «Русский Гофман» (2017), финалист Волошинского конкурса (2015). Рассказы переведены на итальянский, армянский и болгарский языки.

Глубоко понять столько мировоззрений — трудная задача. Автор и не выдает себя за всезнающего мудреца. Александр Евсюков старается в деталях показать черты героев, но воздерживается от оценок — очевидны разве что отсылки к основным нормам морали: не убий, не укради...

Рассказчик в «Контуре легенды» тоже держится скромно — либо полностью остается в тени, либо предстает трестепенным персонажем-наблюдателем.

Герои, наоборот, проявляют себя в полной мере.

Портреты, которые пишет Александр, трудно назвать парадными. Перед нами предстают слегка растерянные люди в неудобных обстоятельствах. Ситуация складывается так, что герой поневоле осознает: надо что-нибудь предпринять. И — он действует (или — бездействует; опять же поступок).

Поступки, совершенные по инерции, по чужому настоянию, не снимают проблему, просто меняют ее формат.

Конфликт разрешается по-настоящему, только если у героя хватает воли держать-ся так, как ему представляется правильным.

Влад из рассказа «Вплавь» всегда купался, заходя в воду с резиновой подушкой. И вот — решился: переборол страх, поплыл.

Он ощущает то, чего так боялся. Вода здесь — под твоим телом — темная и бесконечно глубокая. Марианская впадина и загадочные бездны близ Бермудских островов отзываются эхом на зов. От такого дна никогда не оттолкнешься. Над ним можно только лететь, двигать себя своей волей, правя руками и ногами.

Сильные духом, может, и не получают в награду счастье, зато сохраняют собственное «я».

Ключ к сборнику «Контур легенды» — в одноименном рассказе.

Маленький мальчик ждет маму у магазина и впервые в жизни видит черешню — какой-то старик торгует ягодами возле входа. Тот замечает удивленного ребенка и протягивает ему горсть ягод с «неспешным и добрым смехом»: «Бэри, угощайся». Впоследствии мальчик узнает, что старик — местная легенда. Чтобы спасти недотепу сына от бандитов, ему пришлось стрелять в них из охотничьей двустволки. Потом были суды и пересуды; сын оставил отца — скрылся «за отрогами гор». Но старик не обозлился на весь белый свет. Он остался собой.

По страницам книги разбросаны виньетки — паутинки и ягодки. На обложке эти два символа соединены: ладони, окруженные нитями паутины, держат алую черешню.

Александр Евсюков, конечно же, далеко не первый писатель, которого интересуют оттенки человеческих характеров. Ему (да и что уж там — любому автору, работающему с классической формой) приходится выдерживать жесточайшую конкуренцию.

Как убедить книголюбца, у которого на полке стоят томики Чехова и Моэма, уделить внимание рассказам незнакомого автора? Единственный способ удержать читателя — удивить его. Александр с наибольшим успехом решает эту задачу четырьмя средствами.

Во-первых, он не упускает случая «взять» яркий антураж. Рассказ «Один» начинается с предложения: *«Настоятеля вызвали на Большую землю, и послушник Артемий на две зимних недели остался в скиту совсем один»*. Скит вдалеке от Большой земли — интересно? Еще бы!

Во-вторых, автор намеренно использует очень доступный язык. Бегло просмотрев любую страницу книги, вы сразу заметите: ага, предложения короткие, слова житейские, читать будет легко.

Третья приманка — лаконично прорисованные сравнения: «белые яхты сбились, как куры на невидимом насесте», «перечеркнутый проводами закат», «из-за поворота

вырулил ширококорылый черный джип», «прибрел хромой пес с круглым — словно бы сковородка прилипла — пятном на боку».

Четвертый инструмент борьбы за читателя — внезапные повороты сюжета.

Прием сложный, он дается автору не всегда. Бывает, Александр берет через край — устраивает герою такой радикальный сюрприз, что дальнейшее повествование хочется бегло пролистать. Понимаешь: герой бредит или спит. Реальное продолжение будет несколько страниц спустя.

Судите сами: менеджер Евгений («Первая проба») приходит в кафе на встречу с потенциальным партнером и проваливается в подвал, сильно ударившись. А в подвале откуда ни возьмись — атмосфера застенка, доносы и допросы. В конце выясняется, что горе-менеджер стал участником авангардных киносъемок, но что уж теперь... Читатель заскучал.

Однако иногда автор меняет направление сюжета тонко, почти виртуозно — например, в «Черном орле» (этот рассказ Александра публиковался на страницах «Невы»).

Авиатора Вашингтона Фаунтлероя давно нет в живых. Информацию о нем ищет внук Мартин. Читатель знакомится с Фаунтлероем через воспоминания нескольких человек.

Сначала перед нами предстает образ «величайшего аса прошлого», потом — «проходимца», который умел только «болтать и обнадеживать», далее — вруна и прожигателя жизни... Отважный ас, казалось бы, безнадежно превратился в мелкого жулика. Внук не хочет больше ничего о нем узнавать.

И вдруг в аэропорту Мартину, который внешне похож на деда, встречается пожилая женщина, давняя знакомая Вашингтона Фаунтлероя. Оказывается, в ее воспоминаниях он остался «настоящим мужчиной», «романтиком», умеющим найти самые нужные слова.

Другой неожиданный сюжетный поворот — в рассказе «Сука».

Перед Новым годом парень по имени Иван «поглядел на груды пустых бутылок на полу, на паутину в углах, на ее забытые босоножки в прихожей» и решил, что жизнь потеряла смысл. Эти рассуждения довели бы до непоправимой беды, если б Иван не выглянул в окно.

За окном «с длинной палкой колбасы наперевес» мчалась дворняга Броша.

Он вдруг особенно ярко вспомнил ее — последнюю из большого помета, крохотную и жалкую, из-за вечного голода готовую сметать соленые огурцы вперемешку со снегом. Ничью.

Броша отлично помнила истину, которую Иван забыл: есть жизнь — значит, надо жить. Строго говоря, тебе никто не обещал, что будет легко.

За собакой гналась воинственно настроенная жертва «ограбления» — тетя Зося. Парень, стряхнув наваждение, вышел во двор и протянул тетке деньги за Брошину добычу.

Интересно, что в «Контуре легенды» очень много собак и кошек. Из любопытства я посчитала — на двадцать две истории приходится девять братьев наших меньших.

У Александра животные близки к изначальному — к Богу? к природе? Им словно доступно тайное знание о сути существования.

Мистические мотивы появляются в рассказах часто, но — в той мере, в которой загадочна обыденная реальность (исключение — разве что «Ведьма», где женщина наделена колдовскими способностями).

Высшая сила иногда дает герою подсказку или подшучивает над ним и все же не делает его марионеткой: последнее слово — за человеком.

В ситуации серьезного выбора каждый из нас оказывается наедине с собой. Этот факт Александр Евсюков высвечивает даже на уровне построения образов: сколько бы ни было в рассказе персонажей, в фокусе внимания — единственный главный герой.

Акцент на личной ответственности, от которой нельзя увернуться, делает первую (!) книгу молодого автора глубокой и взрослой.

Наталья УСАНОВА